

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.2>

Вайрах Юлия Викторовна, Казорина Анна Владимировна

АВТОРСКАЯ ФОРМА МАНИФЕСТАЦИИ ПУШКИНСКОГО МИФА В ПРОЗЕ М. А. БУЛГАКОВА И ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА "ЗАПОВЕДНИК"

В статье рассматривается пушкинский миф, представленный в прозе М. Булгакова и повести С. Довлатова "Заповедник". Для обоих писателей характерно развенчание советского мифа о великом поэте и утверждение эстетического идеала творческой личности. Иронический модус художественности в булгаковском и довлатовском текстах определяет авторскую форму манифестации пушкинского мифа, которая в произведениях обоих писателей имеет родственные черты. Структура мифа о русском поэте в художественном мире писателей XX века расширяется за счет включения новых мифологем, которые определяются временным контекстом и авторским восприятием образа Пушкина.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 11-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. **Перетц В. Н.** Легенды о происхождении картофеля // Памяти Л. Н. Майкова: сборник. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1902. С. 94-95.
13. **Смирнов И. П.** Повесть о происхождении винокурения // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: АН СССР; ИРЛИ, 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. С. 268-269.
14. **У истоков мира: русские этиологические сказки и легенды** / сост. и коммент. О. В. Белова, Г. И. Кабакова. М.: Форум, 2014. 528 с.
15. **Флоровский А. В.** Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: АН СССР, 1960. Т. 16. С. 573-580.

ORIGINAL VERSION OF "TALE ON THE ORIGIN OF TOBACCO"

Brovkina Tat'yana Vladimirovna
Syktivkar State University named after Pitirim Sorokin
tatjana-brovkina@rambler.ru

The article examines the original version of the Old Russian "Tale on the Origin of Tobacco" most similar to the archetypal story. Currently, this version includes 28 copies. The original version is represented by three subversions. The paper examines the basic differences between three subversions, provides interpretations, which allow classifying the copies of the original version into groups. The author identifies the copy most similar to the archetypal story – the Russian National Library, Titov collection, 1559. The history of the original text is traced.

Key words and phrases: Old Russian tales; tobacco; textual studies; "Tale on the Origin of Tobacco"; versions; copies; original version.

УДК 801.73

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.2>

Дата поступления рукописи: 17.07.2019

В статье рассматривается пушкинский миф, представленный в прозе М. Булгакова и повести С. Довлатова «Заповедник». Для обоих писателей характерно развенчание советского мифа о великом поэте и утверждение эстетического идеала творческой личности. Иронический модус художественности в булгаковском и довлатовском текстах определяет авторскую форму манифестации пушкинского мифа, которая в произведениях обоих писателей имеет родственные черты. Структура мифа о русском поэте в художественном мире писателей XX века расширяется за счет включения новых мифологем, которые определяются временным контекстом и авторским восприятием образа Пушкина.

Ключевые слова и фразы: пушкинский миф; А. С. Пушкин; М. А. Булгаков; С. Довлатов; повесть «Заповедник»; внутренний мир; творческая личность.

Вайрах Юлия Викторовна, к. филол. н.

Казорина Анна Владимировна, к. филол. н.

Иркутский национальный исследовательский технический университет
vayrakh@yandex.ru; anna-kazorina@mail.ru

АВТОРСКАЯ ФОРМА МАНИФЕСТАЦИИ ПУШКИНСКОГО МИФА В ПРОЗЕ М. А. БУЛГАКОВА И ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК»

Имя русского поэта Александра Сергеевича Пушкина на протяжении последних двух столетий в литературном и культурном пространстве России воспринимается не только как собственное, но и как нарицательное. Слово «Пушкин» стало концептуальным стержнем культуры: оно встречается в анекдотах, присказках, поговорках. Все это – результат освоения современным обществом пушкинского мифа, представленного в пространстве русской литературы. Под мифом мы будем понимать «яркую и подлинную действительность, ощущаемую, вещественную, телесную реальность, совокупность не абстрактных, а переживаемых категорий мысли и жизни, обладающую истинностью, достоверностью, закономерностью и структурой и в то же время содержащую в себе возможность отрешенности от нормального хода событий, возможность существования иерархии бытия» [8].

Современное познание мира не исключает миф, напротив, он переосмысливается, становясь способом освоения действительности. Мифологическое восприятие мира в работах М. Бахтина, Л. Голосовкера, Л. Выготского, А. Лосева, П. Флоренского и др. рассматривается как социокультурный феномен, сущность которого до конца не осознается ни носителем мифа, ни его создателем.

Современное мифологическое сознание включает в себя конструирование мифа, процесс демифологизации – создание нового мифа, что определяет особенности неомифологического сознания, «одного из главных направлений культурной ментальности XX века, начиная с символизма и заканчивая постмодернизмом» [10, с. 269].

Вопросам представления пушкинского мифа в литературе посвящено немало исследований, что связано с тем, что пушкинский миф за последние два столетия стал и литературным, и социокультурным феноменом, функционирующим в пространстве русской культурной ментальности и как архетипическая схема,

и как форма «культуры героя Нового времени» [5]. Сегодня исследование структуры пушкинского мифа, его репрезентации в художественных текстах различных авторов XIX–XXI вв. остается по-прежнему актуальным. Это обнаруживает связь с особенностями мировосприятия современного человека, в котором миф становится структурообразующим центром, способом нового познания действительности.

Пушкинский миф всегда был значимым для русской культурной ментальности, в некотором смысле и национальной идентичности. Среди работ, посвященных исследованию феномена пушкинского мифа, особо нужно отметить статью Л. И. Сараскиной «Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише» [11], которая посвящена изучению процесса превращения имени русского поэта в имя нарицательное в литературном и социокультурном пространстве советского времени.

XX век внес вклад в манифестацию пушкинского мифа. По справедливому замечанию Н. А. Синдаловского, «повышенный интерес низовой, фольклорной культуры к тому или иному историческому лицу, как правило, возникает при острой недостаточности документальной информации» [12]. На этом фоне низовой культуры выделяются произведения русских советских писателей, в которых создается образ Пушкина, связанный с размышлениями о предназначении художника и творчества. Для М. А. Булгакова было знаковым имя Пушкина как «командора нашего русского ордена писателей» [2, с. 474]. Взаимосвязь творчества М. Булгакова с творчеством А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя рассматривается в статье И. Белобровцевой и С. Кульюс «История с великими писателями: Пушкин – Гоголь – Булгаков» [1]. Среди исследований подобных текстологических связей необходимо выделить диссертацию Г. А. Доброзраковой «Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова» [6], посвященную исследованию мифотворчества С. Довлатова и взаимодействию довлатовского текста с произведениями А. С. Пушкина на мифологическом, образном, стилевом и интертекстуальном уровнях.

Таким образом, **актуальность** данной статьи определяется высоким интересом в филологической науке к исследованию особенностей репрезентации пушкинского мифа в произведениях отдельных писателей, а также специфике жанровой и стилевой трансформации пушкинского текста в современной литературе. При этом, несмотря на то, что в последнее время пушкинский миф часто становится предметом исследования, некоторые из аспектов данного феномена остаются малоизученными. Например, практически не исследован сравнительно-сопоставительный анализ особенностей репрезентации пушкинского мифа в художественных текстах авторов XX века. В связи с этим **научная новизна** представленного исследования обусловлена целесообразностью рассмотрения пушкинского мифа в текстах М. Булгакова и С. Довлатова в аспекте преемственности литературных традиций XX века.

Пушкинский миф сегодня встраивается в постмодернистскую парадигму: рассматривая образ русского поэта, писатель находится в диалоге со своими современниками и с предшественниками, становясь активным участником коллективного мифотворчества. В свете этого очевидна близость репрезентации в прозе М. А. Булгакова и С. Довлатова пушкинского мифа, который одновременно ремифологизируется и демифологизируется и определяется трагическим и ироническим модусами художественности в текстах обоих писателей.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе выделенных особенностей авторской модальности в текстах М. Булгакова и С. Довлатова определить формы манифестации пушкинского мифа. Для этого необходимо решение ряда **задач**: выделить место образа Пушкина в художественной системе обоих писателей, определить структуру пушкинского мифа в прозе М. Булгакова и С. Довлатова, выявить роль пушкинского мифа в раскрытии внутреннего мира героя, выявить общее и различное в репрезентации пушкинского мифа в художественных текстах, определить особенности преемственности в представлении образа Пушкина в повести С. Довлатова «Заповедник».

Пушкинский миф в прозе обоих писателей представлен в онтологическом и аксиологическом аспектах. Его структура в художественном мире М. Булгакова, и С. Довлатова определяется одними и теми же мифологемами «пророка», «Дантеса», «утаенной любви» («я вас любил») и «Натальи Николаевны». При этом каждая из указанных мифологем кодируется в тексте художественного произведения через мотивную структуру, систему образов, авторскую концепцию мира и человека. Ядро пушкинского мифа в художественном мире указанных писателей составляет мифологема «пророк», «связанная с божественным призванием художника и реализующая “середину пути”, ситуацию жизненного выбора» [13].

В художественном мире М. Булгакова образ Пушкина – обобщенный образ русского интеллигента с непростой судьбой. Так, например, роман «Записки на манжетах» М. А. Булгаков посвящает «плавающим, путешествующим и страждущим писателям русским» [3, с. 178]. Эпитет «страждущий» распространяется на героя-рассказчика повести и на упомянутых им Пушкина, Чехова, Пильняка, Серафимовича и других. Это же определение применимо к другим булгаковским персонажам-интеллигентам: к Максудову, Мольеру, Мастеру. Отражение непростой судьбы русского интеллигента в «Записках на манжетах» – это авторская оценка взаимоотношений художника и новой жизни.

В романе М. Булгакова Пушкин становится нравственным и культурным ориентиром истинного и ложного в литературе: *«Обливаясь потом, в духоте, я сидел в первом ряду и слушал, как докладчик рвал на Пушкине в ключья белые штаны. Когда, освежив стаканом воды пересохшее горло, он предложил в заключение Пушкина выкинуть в печку, я улыбнулся. Каюсь. Улыбнулся загадочно, черт меня возьми! Улыбка не воробей?»* [Там же, с. 187].

Мифологема «пророк» становится центральной в пушкинском мифе, реализованном в повести С. Довлатова «Заповедник». Она находит свое воплощение в мотиве «паломничества» главного героя, приехавшего в Михайловское в поисках смысла своей творческой судьбы.

Образ Пушкина в повести С. Довлатова «Заповедник» становится структурообразующим центром: персонажи повести, пространство и время выстроены вокруг него. Отношение рассказчика к русскому поэту не исчерпывается безликим «люблю»: Борис Алиханов пытается постичь загадку Пушкина и как писатель, и как человек. *«В местной библиотеке я нашел десяток редких книг о Пушкине. Кроме того, перечитал его беллетристику и статьи. Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина. Его готовность принять и выразить любую точку зрения. Его неизменное стремление к последней высшей объективности. Подобно луне, которая освещает дорогу и хищнику и жертве»* [7].

Образ Пушкина в сознании Алиханова закреплен во времени и пространстве: герой ищет настоящего поэта в Михайловском, однако не находит: чем дольше он пребывает в пушкинских местах, тем дальше от него Пушкин: *«Чем лучше я узнавал Пушкина, тем меньше хотелось рассуждать о нем»* [Там же].

Мифологема «пророк» в булгаковском и довлатовском текстах связывается с мифологемой «Дантес», которая реконструируется через уничижительное отношение к псевдолитераторам (в творчестве М. Булгакова), к экскурсоводам и туристам (в повести С. Довлатова «Заповедник»). Мифологема «Дантес» в прозе Булгакова реализуется через мотивы смерти и страха смерти. В романе «Записки на манжетах» герой в попытке защитить творчество великого поэта от невежественной амбициозности новых литераторов оказывается в безвыходной трагической ситуации: *«Возненавидел меня молодой человек с первого взгляда. <...> Пушкина больше меня ненавидит! Но тому что! Он там, идеже несть... А я пропаду, как червяк»* [3, с. 188]. *«В романе “Мастер и Маргарита” трагическая судьба мастера, в которой покой и свобода стали высшей ценностью и наградой за путь на Голгофу творчества, связывается с отдельными мотивами лирики А. Пушкина (“На свете счастья нет – но есть покой и воля...”»* [9, с. 236].

Для героя повести С. Довлатова «Заповедник» страх смерти равен страху перед эмиграцией: русский писатель не может быть писателем вне Родины. Борис Алиханов едет в Михайловское, которое воспринимается им как центр литературной и культурной России, и он сталкивается с тем, что заповедник – пространство смоделированное, придуманное экскурсоводами. Иронический модус художественности позволяет представить пушкинский миф в аксиологическом аспекте. С. Довлатов в повести «Заповедник» высмеивает советский миф о Пушкине. Демифологизация в довлатовском тексте позволяет автору разрушить искусственно созданный культ русского поэта и вернуться к восприятию образа Пушкина как основы русской культуры и литературы. Образ Пушкина в «Заповеднике» искажен и исковеркан так же, как искажено время и пространство, в которое экскурсоводы помещают поэта. *«Экскурсоводы и методисты – психи. Туристы – свиньи и невежды. Все обожают Пушкина. И свою любовь к Пушкину. И любовь к своей любви»* [7].

Ненависть главного героя к экскурсоводам понятна: они Пушкина превратили в форму, исключили содержание. Их фразы и реплики заучены, клишированы. Неприятие фальши распространяется и на туристов, приезжающих в заповедник, воспринимающих Пушкина формально.

Ирония и сатира в прозе М. Булгакова становятся приемом реконструкции пушкинского мифа. В отличие от Бориса Алиханова в «Заповеднике», герой булгаковского романа «Записки на манжетах» сталкивается не культом «великого поэта и гражданина», а с пушкинофобией, еще одной формой бытования мифа о Пушкине в русской культуре. Поверхностность и выхолощенность интерпретации наследия русского поэта высмеиваются М. Булгаковым и в романе «Мастер и Маргарита». Прозрение Ивана Бездомного начинается с разоблачения бездарного и неискреннего поэта Рюхина. Слова Ивана рождают беспокойство в душе Рюхина – это один из немногочисленных эпизодов, когда М. А. Булгаков обращается к детальному разбору внутреннего мира московского обывателя, литератора: *«Какие-то странные мысли хлынули в голову заболевшему поэту. “Вот пример настоящей удачливости... – Тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, – какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не понимаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: “буря мглою...”? Не понимаю!.. Повезло, повезло! – Вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, – стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...”»* [4, с. 174].

Рюхин признает свою бездарность, однако отрекается от ложного пути и начинает искать виновного, другого, которым оказывается Пушкин. Болезненное восприятие Рюхина наделяет памятник поэту человеческими чертами. Слава Пушкина в глазах Рюхина в удачном стечении обстоятельств, а не в истинном таланте. В этом противопоставлении псевдолитераторов и преемников пушкинской традиции, осознающих божественное предназначение художника, реализуется онтология архаичного мифа, его двойственность. С одной стороны, героем, наследующим черты классического образа Пушкина, становится мастер, с другой стороны, ему противопоставлены «шуты», «трикстеры» – писатели Массолита.

В отличие от прозы М. Булгакова, онтология пушкинского мифа в повести «Заповедник», несмотря на то, что сохраняет архаичную двойственность, передана через особенности внутреннего мира Бориса Алиханова, объединившего в себе и «героя», следующего пушкинским традициям в литературе, и «трикстера». Этой двойственностью определяется трагический модус в повести. С. Довлатов, в отличие от М. Булгакова, не допускает возможности существования в современности богоизбранного таланта, равного Пушкину. Беспощаднее всего Борис Алиханов судит собратьев по перу и самого себя: *«Тебя не публикуют, не издают. Не принимают в свою компанию. В свою бандитскую шайку. Но разве об этом ты мечтал, бормоча первые строчки? <...> У тебя есть десяток читателей. Дай бог, чтобы их стало еще меньше...»* [7].

В оценках художественного творчества Довлатов – преемник традиций классической русской литературы: писатель – проводник нравственности и правды в мир, и если миру правда не нужна, тогда и писать

не надо: «Пиши, создай шедевр. Вызови душевное потрясение у читателя. У одного-единственного живого человека... Задача на всю жизнь» [Там же].

В конструировании пушкинского мифа в текстах Булгакова и Довлатова особое место занимают мифологемы «утаенной любви» («я вас любил») и образ жены поэта – Натальи Николаевны (Натали). Мифологема «утаенной любви», воплощающая болезненное чувство, в романе М. Булгакова реализуется через сюжет тайной любовной связи мастера и Маргариты. Эта же мифологема в повести С. Довлатова «Заповедник» представлена в отношениях Бориса Алиханова и его жены.

Образ жены Пушкина – часть признанного пушкинского мифа. С одной стороны, спутница поэта (творческой личности) достойна поклонения, обожествления. С другой стороны, в культурном пространстве существует уничижительное представление мифологемы Натали, ставшей виновницей гибели поэта. Эта двойственность, воплощенная в образах Маргариты и жены Бориса Алиханова, получает авторскую интерпретацию. Двойственность Маргариты, верной спутницы мастера и неверной жены безымянного высокопоставленного советского служащего, находит свое воплощение и в ее преображении из страдающей женщины в ведьму. Очевидно зеркальное превращение пушкинской мифологемы Натали, которая в творчестве поэта преобразилась из прстой женщины в Мадонну.

Жена Бориса Алиханова названа автором по-пушкински Татьяна, тем самым ее образ декодируется не только через мифологему Натали, но и образ главной героини романа «Евгений Онегин» – «Татьяны милый идеал». Вместе с тем через воспоминания героя мы узнаем, что идея эмигрировать принадлежит его жене, несмотря на нежелание Алиханова покидать страну. Любовь героя к жене представлена в трагикомическом свете: с одной стороны, он раздражен ее решением уехать и забрать дочь, с другой стороны, она для него любимая и единственная, которая «во всем была права» и без которой в этих Пушкинских горах «зуниние и скука» [Там же].

Продолжая традиции М. А. Булгакова, С. Довлатов связывает писательскую концепцию, идеал творческого труда с образом Пушкина. Филологическая рефлексия в текстах М. Булгакова и С. Довлатова определяется трагическим осмыслением судьбы писателя в современном мире. Общественное признание для мастера, для Максудова, для Бориса Алиханова не конечная цель: им важны свобода и честность. Они беспощадны в оценках коллег: среди них нет ни одного положительного, потому что приспособиться в этом мире означает лишиться свободы – главного условия творчества, по Пушкину.

Пушкинский миф в художественных произведениях XX века приобрел способность генерировать новые мифологемы. Это стало возможным в условиях диалога культурных парадигм. Мифологемы пушкинского мифа в художественном мире М. Булгакова и С. Довлатова получают свое воплощение через системы образов, особенности изображенного пространства и времени. Авторская форма манифестации пушкинского мифа в текстах М. Булгакова и С. Довлатова имеет родственные черты. Это выражается в том, что структура пушкинского мифа определяет ироническую и трагическую модальность повествования в художественных произведениях обоих писателей.

Вместе с тем главное отличие манифестации пушкинского мифа в повести С. Довлатова заключается в том, что автор пытается противопоставить традиционное восприятие образа русского поэта культу Пушкина, смоделированному в советском пространстве. В то время как М. Булгаков реконструирует традиционный пушкинского мифа противопоставляет пушкинофобии советской литературы начала XX века.

В художественном мире М. А. Булгакова и С. Довлатова трагическое связывается авторами с невозможностью следовать заповеди русской классической литературы в условиях современного общества: художник становится несвободным, вследствие чего он либо замолкает, либо фальшивит. Этимологически слово «заповедник» восходит к слову «заповедь», синонимами которого являются слова «наследие», «наказ», «закон», «завет». Пушкинские места должны сообщать людям о жизни необыкновенного человека, однако в произведении Довлатова от великого поэта у большинства остались атрибуты времени. В Пушкине важно то, что он был «не только поэт, но и гражданин». И только Борис Алиханов пытается разглядеть в великом русском гении черты человека. В произведениях М. А. Булгакова и С. Довлатова через ироническое повествование, в котором происходит развенчание советского культа Пушкина, утверждается авторский эстетический идеал великого русского поэта.

Список источников

1. Белобровцева И. З., Кулюс С. История с великими писателями: Пушкин – Гоголь – Булгаков [Электронный ресурс] // Рутения – Пушкинские чтения в Тарту 2. URL: <https://www.ruthenia.ru/document/385255.html> (дата обращения: 06.07.2019).
2. Булгаков М. А. Письма: жизнеописание в документах. СПб.: Азбука-классика, 2002. 736 с.
3. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. СПб.: Азбука-классика, 2002. Т. 1. 736 с.
4. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. СПб.: Азбука-классика, 2002. Т. 5. 604 с.
5. Виролайнен М. Н. Культурный герой Нового времени. Легенды и мифы о Пушкине [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=m5CvfUhAWwo=> (дата обращения: 07.07.2019).
6. Доброзракова Г. А. Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2007. 23 с.
7. Довлатов С. Д. Заповедник [Электронный ресурс]. URL: <http://my-lib.net/read/523678091/> (дата обращения: 06.07.2019).
8. Ионин Л. Г. Социология культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/5357224/page:50/> (дата обращения: 07.07.2019).
9. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Правда, 1984. Т. 2. 413 с.
10. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2001. 608 с.

11. Сараскина Л. И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише [Электронный ресурс] // К истории отечественной культуры и искусства. 2018. № 4. С. 128-161. URL: http://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/2ea/khk_2018_04_128_161_saraskina.pdf (дата обращения: 06.07.2019).
12. Синдаловский Н. А. Легенды пушкинского века [Электронный ресурс] // Синдаловский Н. А. Мифология Петербурга: очерки. URL: <http://bookre.org/reader?file=1349811> (дата обращения: 07.07.2019).
13. Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/pushkinskiy-mif-funktsionirovanie-v-sovremennoy-literature> (дата обращения: 07.07.2019).

**AUTHOR'S FORM OF PUSHKIN'S MYTH MANIFESTATION
IN M. A. BULGAKOV'S PROSE AND S. DOVLATOV'S NARRATIVE "PUSHKIN HILLS"**

Vairakh Yuliya Viktorovna, Ph. D. in Philology
Kazorina Anna Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Irkutsk National Research Technical University
vayrakh@yandex.ru; anna-kazorina@mail.ru

The article examines Pushkin's myth represented in M. Bulgakov's prose and S. Dovlatov's narrative "Pushkin Hills". Both the writers seek to dispel the Soviet myth of a national poet and to affirm the aesthetic ideal of a creative personality. Ironic modus of Bulgakov's and Dovlatov's artistry determines the author's form of Pushkin's myth manifestation, which is similar for both the writers. The structure of Pushkin's myth expands in the artistic world of the XX-century writers due to inclusion of new mythologemes determined by temporal context and the author's perception of Pushkin's image.

Key words and phrases: Pushkin's myth; A. S. Pushkin; M. A. Bulgakov; S. Dovlatov; narrative "Pushkin Hills"; inner world; creative personality.

УДК 82'06

Дата поступления рукописи: 17.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.3>

Статья посвящена восприятию и осмыслению творчества С. Есенина в болгарских электронных СМИ за последние несколько лет. Наибольший интерес вызывают ресурсы, содержащие новые переводы стихотворений поэта, биографические и литературоведческие материалы, которые красноречиво отражают рецепцию личности и наследия Есенина в современной Болгарии. В работе изучаются особенности создания образа Есенина, поэта и человека, на сайтах, пользующихся популярностью среди болгарских интернет-пользователей. Анализ этих источников позволяет прийти к выводу об очень высоком интересе к фигуре русского поэта.

Ключевые слова и фразы: С. А. Есенин; русская литература; интернет-источники; рецепция образа Есенина; межкультурное взаимодействие; мировая культура.

Еременко Наталия Алексеевна, к. филол. н.
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
naeremenko@gmail.com

С. А. ЕСЕНИН В БОЛГАРСКИХ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКАХ

*Статья написана при поддержке гранта РФФИ
«Сергей Есенин в литературе и культуре России и зарубежья» № 17-04-00166.*

Проблема рецепции личности и творчества Есенина за рубежом является одной из наиболее актуальных в современном есениноведении. При этом важную роль в анализе образа поэта и его наследия играет изучение информационных ресурсов Интернета [12]. Несмотря на то, что Интернет зачастую является источником не вполне достоверной информации, а размещенные там материалы не всегда имеют авторство, именно интернет-ресурсы наиболее ярко отражают восприятие образа Есенина, поэта и человека, в зарубежных странах. Анализ данных источников позволяет выявить причины исключительной популярности поэта в ряде стран и воссоздать целостную и разностороннюю картину рецепции Есенина в разных национальных культурах. Это определяет **актуальность** нашего исследования.

Творчество Есенина имеет большое значение во всех южнославянских государствах, в частности в Болгарии. «Болгария, как и Югославия, относится к числу немногих стран, где знакомство с творчеством Сергея Есенина состоялось еще при жизни поэта» [9, с. 261]. Там есенинские стихи приобрели широкую известность и были переведены еще в 1920-е гг.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что в нем нами впервые будут проанализированы публикации, которые содержат разнообразную информацию о личности и наследии Есенина, появившиеся на болгарских сайтах в период с начала 2017 г. до июня 2019 г., с целью введения в научный оборот новых сведений, касающихся рецепции биографии и творчества Есенина в современной Болгарии. **Задачами** статьи являются, во-первых, систематизация полученных сведений; во-вторых, определение ключевых закономерностей в восприятии и осмыслении образа поэта.